

БРАТЯ АНДРЕЙ И СЕМЕНЪ ДЕНИСОВЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО РАСКОЛА.

IV.

Устройство общины Андрея: монастырь или слобода? Образъ жизни въ монастырѣ по описанію Ивана Филиппова: на сколько правдоподобно такое описаніе? — Составъ общины — ея внутренняя организація; настоятели; выговская аристократія; отношеніе ея къ Андрею; отношенія старѣйшихъ къ рядовой братіи въ вопросахъ догматическихъ и дисциплинарныхъ; способы, какими дѣйствовалъ Андрей на паству: мнимыя чудеса, проповѣдь.

Вотъ что говоритъ г. Шаповъ объ устройствѣ Выговской пустыни: «сначала Выговская община была бѣдна и неустроена, а потомъ все болѣе и болѣе устроилась. Она называлась монастыремъ, по старинному обычаю, когда монастыри назывались и погосты новгородскіе, какъ извѣстно изъ «Писцовыхъ книгъ.» Въ существѣ же дѣла выговская община имѣла характеръ чисто мірскаго согласія», похожа была на раскольничьи слободы стародубскія, сибирскія и другія. Обитатели ея «жителейскимъ житьемъ жили.» И дѣйствительно уже въ началѣ XVIII вѣка весь матеріальный бытъ общины имѣлъ мірское, житейско-хозяйственное устройство (*).

(*) Земство и расколъ, соч. Шапова, стр. 129—130.

Такъ какъ устройство «выгорѣцкаго общежитія» есть дѣло Андрея, то для рѣшенія вопроса: что такое было, по понятію раскольниковъ, выгорѣцкое общежитіе, монастырь ли, или слобода, кажется, лучше всего обратиться къ самому Андрею, всмотрѣться въ его планы и цѣли и поискать у него прямаго и положительнаго свидѣтельства по этому предмету. Обращаясь къ сочиненіямъ Андрея, прежде всего мы видимъ, что Андрей имѣетъ нарочитую заботу доказать, что Выговское общежитіе есть монастырь. Самое краснорѣчивое и можетъ быть самое тщательное сочиненіе Андрея послѣ «Поморскихъ отвѣтовъ» — надгробное слово Петру Прокопьеву—имѣло цѣлю(*) прославить выгорѣцкое иночество и показать міру, что выгорѣцкое общежительство по праву называется монастыремъ и есть истинный, настоящій общежительный монастырь, ничѣмъ не худшій другихъ, какъ по происхожденію своему, такъ и по устройству, по уставамъ въ немъ соблюдавшимся и по образу жизни его обитателей. «Откуда же общежительство сіе начало пріять и како устроися, нужда нашъ вкратцѣ здѣ объявити, да скажуще о немъ, еклезіархъ тотъ покажемъ, еклезіархъ же повѣствующе, общежительство явимъ, да невѣдущіи вѣдѣніемъ, вѣдущіи же памятованіемъ обновятъ своя слухи. Ибо *малая сія рѣчка, общежительство сіе глаголемо, истече отъ источника великаго, Соловецкія преподобныхъ отецъ и мірскихъ молитвенниковъ Зосимы и Савватія обители, яко благословеніемъ, тако и чиномъ и уставомъ (**).* Далѣе Андрей рассказываетъ, какимъ именно образомъ общежительство сіе произошло отъ Соловецкаго монастыря: «въ то время, когда древле-соловецкіи отцы не пріимаху новыхъ уставовъ Никона патріарха, два великихъ мужа жили

(*) Слово это такъ и озаглавивается въ сборникѣ: «слово надгробное на своего сродственника Петра, вкупѣ же и исторія краткая, како и откуда зачаса выгорѣцкое общежительство».

(**) Преосв. Игнатій «Истина Солов. обители», успѣхъ и авторитетъ Выговской пустыни объясняетъ именно тѣмъ, что она по убѣжденію раскольниковъ произошла отъ Соловецкой обители.

къ немъ, превосходившіе прочихъ въ премудрости и разумѣ и во всемъ вѣдѣніи св. писаній: одинъ Герасимъ Фирсовъ, «его же премудрость и разумъ каковъ быше является отъ писанія его, еже писа о знаменованіи креста на лицахъ своихъ» (*); другой чернѣйшій діаконъ Игнатій, котсрму прозорливецъ нѣкій, Гурій, повелѣваше изыти изъ Соловецкіа обители: хоцетъ бо Богъ тобою состроити обитель нну велию во славу Его, — обители же Соловецкой разореніе предрече: Игнатій изыде изъ Соловецкой обители и по благословенію отецъ и Богомъ подвижаемъ приде въ поморскія пустыни, гдѣ многіе, наставленные имъ во благочестіи «прицѣпившеса ему, молаху его съ ними пребывати и подь предводительствомъ его спасени быти, еже и сотвори Боголюбивая оная душа, памятуя прореченіе святаго старца соловецкаго Гурія и нача въ сей пустыни общежитіе, не токмо по благословенію отецъ Соловецкихъ, но и по благословенію игумена Досея». Когда Игнатій «скончался о Христвѣ», осталець онаго общежитія *Даниль*, скитаяся съ мѣста на мѣсто, многое попеченіе имѣваше, аки нѣкій велий долгъ, да общежительное общаніе по благословенію отецъ во общежительныхъ святыхъ уставѣхъ исполнить. Ава Корнилій староскитскій, Ниловы пустыни древлеобщникъ, былъ восьмъ намъ, продолжаетъ Андрей, сладостный наказатель и отецъ духовный; были и иные соловецкіе отцы: Геннадій, Юсифъ, молитвами своими добри сіи освящающе. Даниль же, живя въ наломъ общежительствѣ древлесоловецкихъ отецъ благословеніе аки искру во углѣ, или благовонное муро въ алавастрѣ нося и соблюдая, усердствовалъ о общежительствѣ, воззусердствовала же и прочіи братія, возревноваша же отцы, благословляюще и повелѣвающе о немъ пещися... И тако сіе общеительство, яко же рѣхомъ, повторяетъ Андрей, отъ Соловецкіа обители пронстекшее есть, чиномъ же

(*) Это сочиненіе можно читать въ рукоп. Спб. Публ. Библ. № 78 (изъ библиотеки Толстаго).

и благословеніемъ соловецкихъ отецъ вкорепенное и священноигумена Досифея благословеніемъ насажденное, къ снѣжъ же и староскитскаго отца Корнилія и прочихъ отецъ пустынныхъ молитвами и благословеніями утвержденное. Но не тако быше сіе общежитіе и особно — скитское пребываніе тогда, егда соединихомся, якоже нынѣ зрится; бѣ бо тогда стадо Христова аки въ нощи бурный страдальчески безъ чина и паствы скптающеса.» За тѣмъ Андрей разсказываетъ, какихъ трудовъ стоило ему, Андрею, управлять монастыремъ. Эти труды состояли не столько въ обезпеченіи матеріальнаго его благосостоянія, сколько въ наблюденіи за храненіемъ мнѣшными монахами и монахинями иноческихъ уставовъ. «Егда же благодатію Божіею совокупихомся въ сіе общежительство, о, колѣкихъ трудовъ и подвиговъ строительство сего общежительства востребовало: тѣлесное житіе сооронити и душевное спасеніе устроити, въ неплодныхъ мѣстѣхъ прекормленіе промыслити и душевную трапезу всегда уготовити, нивы дѣторослыя съ трудами распахивати, да и терновидныя нравы со многими поты истерзати, одеждами въ нищихъ мѣстѣхъ одѣяти и общежительными св. отецъ обычаяи не навывшихъ людей украсити, горы своевольныя поравнати, чащи міролюбныхъ обычаевъ искоренити стѣно съ огнемъ раздѣлити, воды страстныя застановити, возгорѣнія похотныя угасити.»

Эти выписки изъ слова Андрея кажется не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно того, чѣмъ такое хотѣлъ устроить Андрей Денисовъ на берегахъ Выга. «Монастырь» нужно было устроить Андрею по многимъ побужденіямъ. Вперыхъ, большая часть приходившихъ къ нему «съ великою вѣрой» приходили именно ради иноческаго благочестнаго житія. Исторія воспытала въ русскомъ челоувѣкѣ особенное уваженіе и склонность къ монашескому житію; выше мы имѣли случай замѣтить, до какой степени, вслѣдствіе многихъ мѣстныхъ историческихъ причинъ, распространено было это уваженіе къ иночеству и стремленіе постригаться въ по-

корскоу краѣ. Это стремленіе нашло себѣ полный походъ въ расколѣ, гдѣ для того, чтобы сдѣлаться «инокомъ», не нужно было ни проходить искуса, ни ожидать разрѣшенія духовной власти, — тамъ постригали охотно всякаго (*), приходившаго съ великою вѣрой; многіе даже сами постригали себя. Преслѣдованія усилили мистическое чувство въ раскольникахъ: ожидая близкаго конца міра, они пришли къ убѣжденію, что жить семейною жизнью грѣшно, — грѣшно думать объ удобствахъ и радостяхъ жизни, когда настонтъ день Христовъ и когда нужно ежеминутно быть готовыми предстать на судъ Божій. Такимъ образомъ, устроая монастырь, Андрей въ этомъ случаѣ волей-неволей удовлетворялъ лишь общему требованію; онъ долженъ былъ непремѣнно это сдѣлать, если хотѣлъ стоять во главѣ общины и не хотѣлъ лишиться своего выгоднаго положенія. Но и самъ онъ не только не имѣлъ никакой причины идти противъ общаго настроенія, напротивъ съ своей стороны имѣлъ все побужденія, чтобы завести и поддерживать мнимо-монастырское устройство общины. Братья Денисовы, какъ увидимъ, особенно старались увѣрить простыхъ людей, что церковь, т. е. ихъ разсѣянное раскольническое общество, хотя и страдаетъ отъ антихриста, но не лишена, къ утѣшенію своихъ вѣрныхъ чадъ, подобающаго ей благолѣпія и красоты. Въ этой шимой церкви были всѣхъ родовъ святые: преподобные, мученики, Христа ради юродивые, прозорливцы, владѣвшіе даромъ предвѣднія, — въ ней даже совершались чудеса и притомъ въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ количествѣ, въ какихъ давно уже не совершались они въ мірѣ, — съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, какъ объ этомъ весьма правдоподобно и убѣдительно повѣствуется у Семева Денисова въ «Виноградѣ Россійскомъ» и въ исторіи объ отцахъ соловецкихъ, а отчасти

(*) Царь Федоръ Алексѣевичъ на соборѣ 1681 г. говорилъ: «многіе монахи, не хотя быть у настоятелей подъ послушаніемъ, отходятъ отъ монастырей и начинаютъ жить въ дѣсахъ и потомъ прибираютъ къ себѣ такихъ же непослушныхъ» и пр. Акт. Истор., т. V, № 75, стр. 117.

и у Андрея въ надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву, особенно же въ надгробномъ словѣ Исаакію на Лексѣ; по словамъ Любопытнаго, Андрей здѣсь утверждаетъ, что «всѣ пострадавшіе отъ никоніанъ есть святы и въ равной степени древнимъ» (*). Отчего же не быть въ этой «церкви» и монастырю, на подобіе тѣхъ, какими искони славился православный востокъ, или, еще ближе, какими издревле славилась церковь русская? Такою-то богоспасаемою обителію иночествующихъ, кивовіею, хотѣлъ Андрей представить свое выголексинское общежительство, и не только представить въ словѣ, но и по возможности на дѣлѣ осуществить. И вотъ въ 1731 г. авторъ житія инока Корнилія (въ описаніи нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій Александра Б., этотъ авторъ—Семень Денисовъ) считалъ себя въ правѣ сказать: «кто не вѣсть, или кто не слыша, о россійстинъ древлеотеческаго церквосодержанія подражателіе, Выгорѣцїи, иже близъ окіяна Бѣлаго... тако Выгорѣцїя во всей Россїи прослы, яко не точію подражателіамъ благочестїа древняго, но и самѣмъ водимого цвѣтущимъ императоромъ всероссійстинъ слышати,—и толико Выгорѣцїя возрасте и приумножися, яко двѣ великіи обители на Выгорѣцѣ Богоявленская, въ ней же мужескій полъ, и на Лексѣ крестная, въ ней же женскій полъ; и скиты великіе килейныхъ жителей по Выгу рѣцѣ и по другимъ рѣкамъ и езерамъ, въ нихъ же тако въ обителѣхъ, яко во скитѣхъ храмы молитвенные во славу Божию чудно водружени свѣтлѣются, и всеневными службами сіятельствуютъ, и всенародными торжества украшаются, о кихъ гдодствуетъ рещи, яко *добри доми твои Іакове и куци твои Израилю...* (**).

Желая пропагандировать расколъ повсемѣстно, Андрей не могъ придумать лучшаго средства для этой цѣли, какъ основать монастырскую корпорацію, своего рода орденъ,

(*) Кат. Любоп. № 75, стр. 35.

(**) Житіе ин. Корнилія, гл. 4; ркп. Спб. Дух. Акад. № 33.

съ крѣпкою организаціей, съ спеціальнымъ назначеніемъ быть средоточіемъ и опорю раскола. Благодаря только этому своему мнимо-монастырскому устройству, Выговская община и приобрѣла то огромное нравственное значеніе, какое имѣла она въ исторіи раскола, и скопила тѣ богатства, каковы скоро послѣ своего основанія стала обладать: эти богатства образовались главнымъ образомъ изъ вкладовъ, какіе благочестивые раскольники жертвовали на благоустройство обители, по вѣрѣ въ силу и дѣйственность молитвъ этихъ раскольниковъ (*).

Андрею нужно было устроить свою общину въ видѣ киновіи и для того, чтобы избѣжать подозрѣній правительства въ политическихъ замыслахъ, въ стремленіи противиться царю. Это побужденіе ясно высказывается у Андрея, когда онъ говоритъ (въ подробномъ словѣ П. Прокопьеву), что устроивъ общежителство, они съ Данилой между прочимъ имѣли въ виду, «да обдержаніемъ общежителства въ пустыни сей благочинное житіе утверждается, всякое же безчиніе уничтожается, да не попустится своевольнымъ злымъ людемъ имѣсто пустынное жителство быти; якоже и бысть. Ибо тогда воровскихъ людей терніе, въ лѣсахъ сихъ вкоренитися наченшееся, благодарію Христовою обдержаніе жителства сего уничтожится мирно и благопокорно.» И вѣдомо житіе сіе тако царскому величеству, яко властемъ градодержательнымъ общежителствамъ симъ исходатайствовася: явѣ бо по Христовымъ и апостольскимъ преданіямъ, повелѣвающимъ Бога бояться и царя почитать, Божіе Богови и Кесарева Кесареви отдаати. Сія вся Богу помогающу, благое отъ Божіихъ писаній и благопокорное разсужденіе общежителство сіе источаетъ.» Кто же эти воровскіе люди, противъ которыхъ Андрей такъ вооружается? Ихъ, кажется, нельзя считать за одно съ тѣми земскими людьми, которые, по словамъ Шапова, предавались бѣгству не по причинѣ какихъ-либо сво-

(*) См. рассказы объ этомъ у А. Иоаннова, стр. 101—103.

ихъ религіозныхъ вѣрованій, а ради того тяжелаго положенія, какое выпало на ихъ долю вслѣдъ за смутною эпохой междоусарствія, отъ тѣхъ нестроеній, какія были въ царствованіе Алексѣя Михайловича и какія произвели бунтъ Разина и другіе: въ существующихъ историческихъ данныхъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ подобнаго происхожденія первоначальныхъ насельниковъ Выговской пустыни. Это, конечно, тѣ самые пустынножители, которые удалялись сюда изъ окрестныхъ волостей и даже изъ другихъ мѣстъ отъ преслѣдованія за древнее благочестіе и которые вошли потомъ въ составъ Андреевой общины. Прежде чѣмъ образовалась эта община, они пытались силой добывать себѣ свободу жизни и исповѣданія, и силой же привлекать себѣ послѣдователей: собираясь шайками, они выходили изъ лѣсовъ, нападали съ оружіемъ на мирныя православныя деревни (*), убивали и грабили не желавшихъ пристать къ расколу и удалялись опять въ свои убѣжища «въ лѣсахъ за озеромъ Онего.» Самъ Даніилъ Видулинъ, по сказанію даже исторія Выговской пустыни, нѣкоторое время занимался подобнымъ удалствомъ (**). А особенно этимъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность родственникъ

(*) См. Акт. Истор., т. V — пудожское дѣло. Такъ же *Оломецкія Губ. Вѣдомости* 1849 г. судное дѣло о разореніи Палеостровскаго монастыря, №№ 1—14.

(**) Между пустынниками былъ нѣкто старецъ Питиримъ, оказавшій много услугъ всѣмъ скитальцамъ выговскимъ тѣмъ, что «скитаяся, своими руками построилъ, яко же глаголють, тридцать келій множае; тако бѣ трудолюбивъ и труждася не безъ ума,—звѣдый, яко мнози жителямъ будутъ въ пустыни.» Этого-то Питиримъ, вышедъ въ волость для нуждъ своихъ, былъ схваченъ властями и отвезенъ въ село Великую Губу, откуда его должны были отвезти скованнаго въ Олоонецъ. Погнъ въ отпискѣ объяснялъ, что Питиримъ одинъ изъ тѣхъ выходцевъ соловецкихъ, которые, расхаживая по волостямъ, совращаютъ православныхъ. Когда дошла объ этомъ вѣсть до Данилы, — онъ въ это время скрывался у христіанцевъ, въ Шунгскомъ погостѣ, — онъ немедленно «собра изъ своихъ смѣлыхъ и скорыхъ ногами пять человекъ» и послалъ вслѣдъ за старцемъ въ погоню. Въ Виданской волости преслѣдователи пережгли загнанныхъ лошадей и близъ села Пряжи настигли отца Питирима и немедленно «отъима.» Возвратившись въ Виданскую

Авдрея, Омелька Ивановъ Второго. «Въ прошломъ 7195 году (1687 г.), жалуется въ своей челобитной палеостровскій игумень Кириллъ, вѣдомый воръ (*) и пушій раскольникъ Емелька Ивановъ сынъ Второго... отступи отъ матери нашей церкви...; приходя въ Тунгскій, Толвуйскій и Челнужскій погосты со многими и изъ иныхъ имѣсть пришлыми ворами, пришедъ въ нашъ монастырь со всякими оружіемъ... монастырскую казну пограбили... въ церквахъ, въ самомъ святомъ алтарѣ жили ихъ жены со всякою скверностію и ругаясь святой Христовой церкви изъ алтаря въ сторону стѣну просьбли и учинили о самую стѣну гное-скарденный нужникъ... И жвали они воры шесть недѣль». Заслышавъ, что идетъ войско изъ Новгорода, Емелька, забравъ монастырскую казну и оклады отъ иконъ, выбѣжалъ «на лѣсъ, въ свои еоревскіе пражскіе станы, изъ которыхъ выходилъ напередъ мою», покинувъ подговоренныхъ имъ «съ двѣ тысячи», которые и сожглись, когда пришло войско. Емелька между тѣмъ сталъ снова выходить съ своими воровскими людьми въ вышеупо-

волость, они сѣли на своихъ лошадей, которыя оставались здѣсь для отдыха и помчались во свояси. А они проводники (то-есть служебные люди, конвоировавшіе Питирима), возвратившася въ Шунскій погостъ, взяли съ собою людей у старосты и гнашася за ними многолюдствомъ въ Кижской погостъ, а далѣе гнатися не смѣяше. Когда они донесли объ этомъ въ Олонецъ, оттуда прислали солдатъ, которые многія пакости сотвориша жителямъ, особенно тѣмъ, у которыхъ останавливались отбившіе у нихъ Питирима. Вскорѣ послѣ того Даниилъ увезъ съ Сустрецкаго завода сестру свою съ мужемъ Леонтьемъ,—за ними была погоня, но имъ удалось скрыться.

(*) Слово воръ въ древнемъ юридическомъ языкѣ означало вообще преступника законовъ государственныхъ, какимъ былъ и раскольникъ по уложенію Алексѣя Михайловича; слѣдовательно, въ этихъ словахъ упоминалось не о тѣхъ земскихъ людяхъ, которые, по Щапову, убѣгали въ пустыни отъ гражданскихъ нестроеній. Въ разсказѣ Ивана Филиппова это событіе имѣетъ другой колоритъ;—авторъ исторіи Выговской пустыни и этого разбойника простодушно возводитъ во святыя и выгадетъ ему въ уста молитвы... Андрей имѣлъ болѣе такта: онъ видѣлъ, до какой степени въ его время разсказъ, подобный разсказу Ивана Филиппова, былъ бы невѣроятенъ и нагль и просто отрекается отъ всякой солидарности съ Емелькою.

мянутые погосты и въ Повѣнецкій рядокъ «и многія тѣхъ мѣсть жилецкія люди ему станъ давали и у себя такому жъ воровству завестися поровили». Спустя два года Емелька снова со многими своими воровскими товарищи нагрязнулъ на Палеостровскій монастырь, взялъ его, «игумена *Иммена* связавъ, держалъ въ великой неволи и мучени, а сами въ тоиъ монастырь зашли и укрѣпили изъ монастырскаго готовленнаго лѣсу острогъ съ нешалою крѣпостью, и изъ того острога выѣзжали въ тѣ окольныя мѣста и правыхъ людей, которые съ ними ворами не въ совѣсти, пожитки грабили и самихъ тѣхъ людей мучили». Когда посланы были съ Олонца служилые люди и изъ окольныхъ мѣсть понятые — они стрѣляли въ нихъ, многихъ убили, иныхъ ранили, между прочимъ протопопа Льва, который, исполняя волю своего архипастыря, хотѣлъ было увѣщавать ихъ. Но вѣроятно, не надѣясь на полную побѣду, они, истребивъ все, что принадлежало монастырю, сожглись и съ собою вмѣстѣ сожгли и игумена и братію, — а нѣкоторые изъ скопу вышли и поселились по погостамъ. Челобитчикъ былъ въ то время діакономъ въ монастырь и успѣлъ убѣжать, чтобы дать извѣстіе о случившемся въ Олонцѣ и въ Новгородѣ, гдѣ потомъ долго жилъ и наконецъ въ 1699 г. посвященъ въ настоятели разореннаго монастыря. «А освѣдомился я подлинно, продолжаетъ игуменъ Кириллъ, что отъ нашего Палеостровскаго монастыря не въ дальнемъ разстояніи на лѣсахъ въ прежнихъ воровскихъ раскольныхъ станахъ прежняго воровскаго раскольнаго ученія плевосвѣтателя Данилко Викулинъ, да Дениско Второго съ сыномъ Андришкою со многими людьми собрався, живутъ великимъ скопомъ и заводомъ и въ погосты выѣзжаютъ по часту, и всякіе припасы въ тѣхъ погостахъ промышляютъ и опасно мнѣ игумену, чтобы тѣ вору вновь монастыря не разорили (*).» Было ли это бунтомъ въ родѣ

(*) По челобитной Кирилла произведено дознаніе. При допросѣ обѣданный Козелька показалъ, что «Омелька Второго, выходя въ погосты, тамошнихъ жителей къ себѣ подговаривалъ, а иныхъ и неволею сбиралъ.»

Разина? Нѣтъ, это лишь проявленіе крайняго религіознаго фанатизма: ихъ силою принуждали къ «новой вѣрѣ», — они силою сопротивлялись и, когда нѣтъ возможности, силою же принуждали другихъ къ своей вѣрѣ. Доказательствомъ того, что это фанатизмъ, служить ихъ самосожигательство. Самъ Андрей усиливается отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ солидарности съ этими своевольными злыми людьми, хочетъ даже заставить думать своихъ слушателей, что ему правительство обязано уничтоженіемъ этихъ шаекъ: «воровскихъ людей злое терпіе обдержаніемъ общежительства

Другой изъ допрошенныхъ, Мишка, поповъ сынъ, показалъ, что дѣйствительно въ лѣсахъ за Онего въ воровскихъ раскольническихъ станахъ живетъ многое число людей подъ начальствомъ Данилы и Дениса Второго, что изъ лѣсовъ тѣ воры въ Шунгу и въ другіе погосты по праздникамъ на ярмарки и по деревнямъ ѣздятъ, и ходятъ съ опасеніемъ, съ ружьемъ, но ходятъ только тѣ, которые никому незнакомы; а тѣ, которыхъ знаютъ на погостахъ, выходя, отъ знакомаго закрываются, чтобы не узнали и пр. Про себя лично Мишка разсказалъ слѣдующее: «они съ отцемъ своимъ попомъ Маркомъ пришли въ Шунгу, 10 лѣтъ тому назадъ, въ домъ онъ Мишка живетъ мало, для своего прокормленія онъ отъѣзжаетъ въ извозъ къ морю и на веснованье, а Сидорко Пименовъ, его тестъ, нынѣшней другой жены его отецъ, ушелъ въ расколъ года съ три, отъ людей онъ слышалъ, что Сидорко съ товарищами приходилъ въ деревню Паницы, у Дениски Фаддѣева деревенскій участокъ насильствомъ посѣять, — и онъ Дениска съ семьею съ ружьемъ въ рукахъ отъ нихъ отбилась. А жену его, Мишкину, первую, Степанову дочь, тѣ раскольники, подѣхавъ зимою, ночью взявъ со двора изъ бани, свезли за Онего на лѣса, а по совѣту ли жены, или насильно, не вѣдаемъ. Недѣлю спустя, они пріѣзжали къ дому отца его ночью, съ ружьями, для грабежу, но попъ Маркъ убѣжалъ изъ дому вовремя задвинными воротами и учалъ въ колоколъ бить всполохъ, — люди пріѣзжали, а они воры отъѣхали и учали изъ ружей стрѣлять. Недѣли черезъ три они явились снова ночью, и тутъ попъ Маркъ уже не спасся отъ нихъ: нашедши его въ сараѣ въ соломѣ, ози его обухами били и бороду выдрали, и его Мишку связали и пограбили у нихъ все въ домѣ — иконы и псалтырь новоисправленную, да пицаль и платье и всякій житейскій заводъ: и на поѣздѣ отца его въ воду хотѣли бросить, — а говорили ему: «для чего ты, попъ, на насъ извѣщаешь и сказки подаваешь», а его Мишку хотѣли свезти въ расколъ, — но онъ не пошелъ, а смлой не захотѣли и связаннаго домой отпустили». Это происшествіе относится уже ко времени управленія Андрея.

мирно изничтожися». Что Андрей хочет этимъ сказать?—То ли, что какимъ-то воровскимъ людямъ въ Выговской пустынѣ неудобно, невозможно стало жить, какъ скоро поселились близъ нихъ такіе честные люди, каковы были мирные пустынножители, спасавшіеся подъ руководствомъ Андрея, или то, что эти самые своевольные люди обратились въ честныхъ пустынножителей, благодаря трудамъ и усиліямъ Андрея? Какъ бы ни поняли эти слова тѣ, для кого назначалъ ихъ Андрей, для кого онъ вставилъ въ свое слово эту тираду,— во всякомъ случаѣ, по смыслу ея, вмѣсто скопища бродягъ, бѣглецовъ, могущаго обратиться въ опасную для правительства шайку политическихъ разбойниковъ, въ Выговской пустынѣ является монастырское общежитіе послѣдователей древняго благочестія, чуждое всякихъ политическихъ видовъ, которое слѣдуетъ евангельскому правилу: Бога бойтеся и царя чтите,— дастъ двойную подать и работаетъ на Пубънецкихъ заводахъ (слово это говорилось 1719 г.). Проповѣдь, произнесенная къ пастырь, не назначалась конечно для правительства, какъ намъ рѣшительныя Поморскіе отвѣты, и Андрей, еслибы хотѣлъ, могъ бы избѣгать почтительныхъ выраженій о царской власти, могъ бы не высказывать презрѣнія къ людямъ, которые были съ нимъ одного поля ягоды. Андрей говорилъ это для своей паствы: очевидно онъ хотѣлъ приучить ее къ образу рѣчи и поведенія, наиболее благовидному и безопасному со стороны правительства. Этотъ образъ мыслей ему нужно было распространить не потому, чтобы онъ ему особенно нравился самъ по себѣ, а потому, что былъ выгоденъ, такъ какъ избавлялъ ихъ отъ притязаній и подозрѣній правительства. Мы говорили уже, что теоретическія убѣжденія стояли для Андрея на второмъ планѣ, — а на первомъ — упроченіе вѣтшнаго благосостоянія общины, обособленіе ея и обезопасеніе отъ вѣтшательства властей.

Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ устройства общежитія Андрея обратимся къ болѣе безыскусствен-

ному, болѣе простодушному и искреннему разсказу Ивана Филиппова, которымъ пользовался и Шаповъ: мы увидимъ, что послѣдній, преслѣдуя свою предзанятую мысль, упустилъ изъ вниманія многое, что прямо противорѣчить его взгляду. Такъ, когда намѣреваясь соединиться съ Захаріею, Даніилъ и Андрей пришли къ Корнилію спросить благословенія, то онъ велѣлъ имъ, по словамъ Филиппова, прежде всего «добръ правити чинъ и уставъ держати по святыхъ отецъ правиломъ, по образу древнихъ монастырей». Дѣло монастырскаго устроенія трудни Андрея созидалось не вдругъ: началось оно тѣмъ, что когда собравшіеся около Даніила и Андрей поселились въ жилищѣ Захарія Стефанова, то въ столовой на богомоленіи братія становились на одну сторону, а сестры на другую, — «а по срединѣ завѣса во всю столовую», — «братія въ столовой хлѣбъ ядаху, а сестры въ хлѣбни собирахуся на обѣды и ужины». Корнилій приходя внушалъ имъ «вѣчную нужду пустынную терпѣти и труды, меньшимъ къ большимъ покореніе нѣти и послушаніе, чистоту тѣлесную хранити...» Но все это еще не было, конечно, собственно монастырскимъ житіемъ; дѣвственное житіе было обязательно для всякаго воярца, повинованіе старшимъ — общее правило русскаго воярнаго быта, терпѣти пустынную нужду приходилось по необходимости, не по обѣту. И самъ историкъ Выговской пустыни говорить, что хотя они жили въ это время съ великою ревностію и усердіемъ богоугодно, но все-таки это было не болѣе, какъ житейское житіе: «житейскимъ житіемъ живяху». Но эта фраза, которую Шаповъ распространяетъ на все время существованія Выговской пустыни, относится только къ одному первому году жизни отшельниковъ на Выгѣ, когда ихъ было всего сорокъ человекъ. Андрей и Даніилъ не оставляли мысли завести монастырь, но она, кажется, незнакома была еще хорошо съ монастырскимъ уставомъ. Но вотъ что разсказываетъ выговскій историкъ дальше. «И начаша къ нимъ людие приходити; а оные отцы Андрей и Даніилъ принимающе ихъ съ любовію...

и начаша чины церковныя и монастырскіе хравити. И приде къ нимъ священноинокъ Пафнутій, много лѣтъ живый въ Соловецкой обители и весь чинъ церковный и монастырскій добръ вѣдый... и начаша общежитіе и церковную службу уставляти по чину и уставу. И поставиша Петра Прокопьева въ чинъ еkkлeзіаршескій и къ нему пособниковъ пѣвцовъ и псаломщиковъ и конархистовъ... И потомъ придоша два мужа съ Москвы, вѣдущая писанія, Прокопій и Василій, иже послѣди во иноческомъ чину Варлаамъ наречеса. И съ того времени начаша праздникомъ всенощныя пѣти по чину церковному, такожде и по воскреснымъ днѣмъ послѣ заутрени книгу читати до молебна и часовъ, и послѣ уденья такожде книгу чтуще, и по вся дни службу церковную отправляюще на то учиненную, а въ простыя дни труждающіеся братіи, отстоявъ полунощницу и на заутрени послѣ экзаксалмовъ, взявъ прощеніе у старца, отхождаху въ столовую часовъ пѣти и послѣ часовъ полагаху поклоны братскіе данныя лѣстовки и по обычныхъ двухъ началахъ отхождаху по своимъ келіямъ, каждо на свои труды... И оставиша все по чину монастырскому, во вся службы монастырскія, келарей и подкеларниковъ и нарядниковъ, старость и надсмотрщиковъ во вся братскія службы... И въ хлѣбни хлѣбы печажу, а въ поварняхъ шти варяху и квасы дѣлаху сестры, труждающіяся съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ, а отъ нихъ всякую пищу келарь съ подкеларникомъ взимаху и въ братскую столовую приношаше... А во время обѣдовъ и ужинъ на обонхъ сторонахъ у братіи и сестеръ четцы жертвенники читажу, а братія обѣдающіи со всякимъ молчаніемъ сѣдающе и чтенію внимающе, и никто ни съ кѣмъ въ то время не глаголаше, бысть въ то время веліе молчаніе, и послѣ обѣда расходящіяся вси во свои кельи каждо на свои труды... Около всего монастыря ограду построиша, а посередѣ — стѣну, а въ стѣнѣ построиша келейцу малую и окно малое на братскую сторону для приходу братіи къ своимъ сродницамъ для свиданія и иныхъ ради братскихъ нуждъ, и къ тому

дѣлу избираша изъ сестръ чловѣка добраго, старицу саму-другу, чтобъ всегда приходящихъ съ благословія къ оному окну для свиданія сродницъ при себѣ пушати....» Этого достаточво, чтобы убѣдиться, что выголексинское общежителство носило названіе монастыря вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ, по словамъ Щапова, будто бы носили его новгородскіе погосты (*): здѣсь мы видимъ не названіе только монастыря, а цѣлое устройство всего внѣшняго быта — мнимомонастырское: видимъ кельи, въ которыхъ живутъ братія и настоятели, экклесіархъ, келари, подкеларники и всѣ мнимомонастырскія власти; «монастырь» обнесенъ оградою, за которую выходить безъ вѣдома настоятеля запрещалось; тутъ есть общебратская трапеза, въ которой во время обѣдовъ читаются жертвенники; старый черный попъ Пафнүтій, а позже тоже старый священникъ Θεодосій, много терпѣвшій за древнее благочестіе, постригаютъ въ иноческій чинъ вновь приходящихъ. Братія занимается, повидимому, постоянно благочестивыми упражненіями, постоянно ходить на молитву въ часовню, въ кельяхъ по ночамъ творить келейное правило. Весь образъ жизни «иноковъ», кромѣ общихъ уставовъ общежительныхъ монастырей, принесенныхъ Пафнүтіемъ изъ Соловецкой кивови, регламентированъ во всѣхъ подробностяхъ Андреемъ Денисовымъ особыми правилами. Мы не имѣемъ подъ руками этихъ, такъ-сказать, аскетическихъ сочиненій Андрея, — а вотъ какъ описывается образъ жизни ихъ въ монастырѣ: «приходяше вечеръ, и абіе вечернія молитвы, аки кадило благовоно Богу приношахуса; наставаше нощь, и келейное правило и частыя колѣнопреклоненія со

(*) Неволинъ, въ специальномъ изслѣдованіи о пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, нигдѣ не говоритъ о томъ, чтобы погосты въ какомъ бы то ни было смыслѣ назывались монастырями. Изслѣдуя родословную Андрея, мы имѣли надобность просматривать писцовыя книги заонежскихъ погостовъ новгородской области (въ прилож. у Неволина, въ изданіи Археограф. комисіи, въ Олонецк. Губ. Вѣдом. 1849 и 1851 г.) и нигдѣ не встрѣтили, чтобы погостъ назывался монастыремъ. Вообще — мы не знаемъ, гдѣ монастырями называются погосты.

воздыханіемъ и умиленіемъ и со источника слезными, аки главное дѣло у всякаго пустынножителя. Являшеся утро и абие... полунощныя молитвы и утреннее славословіе...; приближашеся время обѣда и бѣ у коегождо попеченіе воздати Господеву молитвы своя, якоже св. церковь уставила есть, въ часть 3-й, 6-й и 9-й, дондеже воздастся славословіе Владыцъ и потомъ пища вкушенье приложится... Прихождаху воскресныя дни, и бѣше вездѣ хваленіе Пострадавшему за насъ;... и бываше чтеніе словесъ Божіихъ, и поученіе въ законъ Вышняго, и всѣ сладчайшія бесѣды о спасеніи;... прихождаху Владычьи праздники и бѣ въ пустыни аки на небеси гласъ ирадующихъ;... являхуся лѣтнія торжества Богоматери и памяти угодниковъ Божіихъ — и паки славословіе... храмовъ ли молитвенныхъ лѣтнія прихождаху праздники, съ теплою любовію призываху скитяне общежительныхъ настоятелей и чѣткихъ отъ клириковъ къ свѣтлому торжеству и бываше сладкая радость и красное ликованіе и ангельскія воспѣвахуся пѣсни и слово Божіе, аки многоцѣнная трапеза, премудрыми предлагашеся проповѣдники... Аще и безчливіе каковое случашеся, не скрываетъ рассказчикъ, скоро исчезаше, зане бяху о семъ надсмотрители и надсмотрительницы; аще и грѣхъ каковой являшеся, скоро отъ хитрыхъ врачей усмотрашеся, и подобающимъ врачевствомъ исцѣляшеся.

На сколько эти шнимые иноки были истинными монахами, на сколько эти узаконяемые чины и уставы выполнялись на дѣлѣ, — этой другой вопросъ. Понятно, что въ этомъ лирическомъ отрывкѣ, продиктованномъ энтузіазмомъ, горячимъ сочувствіемъ къ своему кровному, родному, дѣло преувеличено, что здѣсь — больше личвой благонамѣренности автора, нежели дѣйствительной подвижнической святости. Уже одно то, что Андрею *нужно* было, какъ мы видѣли, *доказывать* въ 1719 г. своей братіи, что ихъ община — монастырь, свидѣтельствуешь, что или были люди, которые въ Выгорѣцкомъ общежительствѣ видѣли слишкомъ мало монашескаго, или,

что братія монастыря такъ вели себя, что какъ будто забыли о томъ, что живутъ въ монастырь и имъ нужно было напомнить объ этомъ. Такъ какъ поступленіе въ монастырь происходило не изъ свободного сознанія потребности уединенія для богомысліа, не изъ дѣйствительной склонности къ монашеской жизни, а происходило или въ слѣдствіе желанія укрыться отъ преслѣдованій или и изъ слѣпаго энтузіазма; такъ какъ, далѣе, это были все люди, привыкшіе къ семейному образу жизни, къ занятіямъ сельско-хозяйственнымъ и по степени своего духовнаго развитія мало способные къ соверцательности, къ тому, что составляло сущность монашеской жизни: то, очевидно, совершенно естественно было ожидать, что они не будутъ имѣть понятія о существѣ монашеской жизни и не будутъ въ состояніи выполнить иноческіе уставы. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ гоненія на раскольниковъ ослабѣвали, а внѣшній матеріальный бытъ ихъ улучшался,—деморализація въ монастырь дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Женщины, какъ прежнія жены, жили вмѣстѣ съ мѣнми; какая-нибудь завѣса или стѣна, отдѣлявшая «монаховъ» отъ «монахинь», конечно, нисколько не препятствовала разврату (*). Образованіе особой женской обители въ двадцати верстахъ разстоянія нигдѣ причиною не одну тѣсноту монастыря Богоявленскаго. Да и это удаленіе женщинъ мало помогло. Изъ разсказа Ивана Филиппова видно, что если кто соблюлъ дѣвство живя въ монастырь, то это было такимъ рѣдкимъ исключительнымъ явленіемъ, за которое нужно было восхвалять, какъ за особенную добродѣтель. Съ теченіемъ времени отъ первоначальнаго энтузіазма выговцевъ осталась одна мертвая обрядность, да и ту они сокращали, исполняли лѣнливо, небрежно. Когда былъ въ монастырь кто-либо изъ постороннихъ, богослуженіе совершалось чаще и длиннѣе, а если никого не было, исполнялось слабо. Но по крайней мѣрѣ мы

(*) См. Истор. Раскол. Макарія, стр. 257.

можешь сказать здѣсь то, что Андрей боролся противъ этой деморализации на сколько было у него власти: отъ вводимой имъ дисциплины многіе бѣжали совершенно, иные, поживши въ монастырѣ, переходили въ скиты, гдѣ жизнь была гораздо свободнѣе; иногда противъ Андрея и его дисциплины были возстанія. Продолжая приведенный нами выше рассказъ, Иванъ Филипповъ говоритъ: «аще и грѣхъ каковый являшеся, скоро отъ хитрыхъ врачейъ подобающимъ врачевствомъ исцѣляшеся, занеъ врачеве тѣи умѣяху составлять цѣлительныя пластыри и болящій вѣдаху повиноватися врачующимъ и пріимаху врачеваніе со благодареніемъ. Аще же кінъ отъ жесточайшихъ безстудіемъ противляхуся настоящимъ и благочиніе строющимъ; но настоящій имѣяху съ собою честный соборъ добродѣтельныхъ мужей, имѣяху власть строити житіе свое по преданіямъ отеческимъ....»

Итакъ устройство Выговской пустыни, это пресловутое самоуправленіе и самосудъ, вовсе не тотъ идеалъ общиннаго гражданскаго устройства, который видитъ здѣсь Шаповъ, а просто пародія на обыкновенное монастырское устройство. Отличіе этого «монастыря» отъ монастырей православныхъ, кромѣ самозванства его и незаконности происхожденія, состояло въ томъ, что дисциплина и порядокъ, заводимые здѣсь настоятелями, не могли имѣть той прочности и твердости, какъ въ монастыряхъ, имѣющихъ законное происхожденіе. Власть настоятелей здѣсь не была какая-либо положительная, твердая власть, обезпеченная закономъ, а основывалась лишь на личномъ нравственномъ авторитетѣ Андрея и Данилы; вслѣдствіе этого пустынники могли вести жизнь самовольную; всѣ обитатели монастыря, какъ свободно сошедшіеся, имѣли возможность даже по первому же желанію оставить его; и въ исторіи Выговской пустыни мы встрѣчаемъ не разъ рассказъ о томъ, что такіе-то, «рди самовольства, изыдоша въ міръ съ своими дѣтьми,» за что и были отъ Бога наказаны тѣмъ, что или совращались въ инокіанство, или попадали въ руки мучителей и терпѣли за

старое благочестіе и пр. Впрочемъ нужно сказать, что подобныя случаи указываются немного. Жизнь въ монастырѣ была такъ устроена, что удовлетворяла потребностямъ его обитателей; она укрывала отъ преслѣдованій правительства, отъ «даней многихъ», давала имъ хорошее матеріальное обезпеченіе. Да и пастырь, чтобы предотвратить эти побѣги, при всемъ своемъ вовсе не аскетическомъ взглядѣ на вводящую имъ дисциплину, долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на многое, чего вовсе не желалъ бы допускать въ видахъ общаго благополучія общины. Вообще эта община выговцевъ имѣла видъ общины религіозной и жизнь ихъ была руководима не политическими какими-либо стремленіями, какъ хотятъ думать «новѣйшіе» изслѣдователи раскола. Чувство свободы, какою они пользовались въ пустынѣ, вознаграждало ихъ вполнѣ за тѣ нужды, лишенія, труды, какія имъ пришлось понести... Общая бѣда, общее горе тѣснѣ сплотили ихъ, были между ними любовь и братство: пришло внѣшнее благополучіе, прекратились гоненія — и обнаружались свары и раздоры. Да и то, если мы всмотримся въ составъ общины, мы увидимъ, что въ ней господствовало отнюдь не безусловное равенство; въ ней мы увидимъ нѣсколько сословій, чинопочитаніе, распространенное до крайности. Желая возвыситься на степень самостоятельнаго, благоустроеннаго общества, стараясь сравниться съ церковью, съ государствомъ, община Андрея, очевидно, преслѣдовала не коммунистическія какія-либо идеи, а копировала тотъ общественный строй, какой видѣла въ древней Россіи.

О составѣ Андреевой общины мы отчасти можемъ судить по указаніямъ самаго Андрея. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ этотъ составъ въ словѣ на смерть Петра Прокопьева: «старѣйшимъ возскорбѣша (о смерти Петра), говорятъ онъ, церковникъ восплакаша, общецестители возслезиша, скитане возрыдаше, сироты восхлипаша». Старѣйшимъ — монастырскія власти, церковникъ — это клирошане, или «духовный чинъ», занимавшійся отправленіемъ богослуженія, — во главѣ ихъ

эклезіархъ Петръ, общежители — рядовая братія монастыря, *скитяне* — жившіе внѣ монастыря, пользовавшіеся большею свободою, *сироты* — это обыкновенное названіе женщинъ обитательницъ «Лексинскаго Крестнаго монастыря».

Во главѣ властей стоятъ настоятели Данилъ и Андрей. Какъ распредѣлялась между ними настоятельская власть? Инокъ Корнилій (по разсказу историка Выговской пустыни) предъ смертію изрекъ такое пророчество: Андрей будетъ *наставникъ и учитель* древнему благочестію, древняго благочестія *проводникъ*, а про Данила — сей *собираетель* будетъ *братству*. Въ разсказѣ жизнеописателя Корниліева Пахомя это пророчество принимаетъ нѣсколько иной видъ: Корнилій умирая, назначилъ Данила вмѣсто себя *отцемъ и наставникомъ*, Андрею же приказалъ быть *судьею и правителемъ* общежительства. Итакъ Данилъ, какъ первоначальный «собираетель братству», инициативѣ котораго общежительство обязано своимъ происхожденіемъ, около котораго группировались ревнители древняго благочестія, какъ около центра, былъ *отецъ* общежительства, то-есть, всѣ обязаны были чтить и уважать его, съ покорностію и смиреніемъ принимать его отеческія внушенія. Предъ нимъ самъ Андрей въ общемъ собраніи произносилъ привѣтственные и поздравительныя рѣчи, *мудростію и витійствомъ украшаемыя*, въ день его тезоименитства и въ другія высокаторжественныя дни, (*) его имени выгорѣцкіе авторы посвящали свои ученые труды, — такъ напримѣръ, Петръ Прокопьевъ для него написалъ свое изслѣдованіе о разныхъ самовольныхъ смертяхъ, что доставляютъ вѣчное спасеніе. Далѣе Данилъ былъ не просто отецъ, а *отецъ и наставникъ*, то-есть, онъ имѣлъ право и обязанность изречь по крайнему своему разумѣнію назидательныя сентенціи братіи и дѣлать отеческія внушенія. Ему вообще принадлежала, номинально, вся полнота настоятельской власти; — безъ его вѣдома не предпринималось ни-

(*) См. катал. Любоп. №№ 89, 108.

чего, его согласіе давало санкцію всѣмъ предпріятіямъ Андрея, всѣ распоряженія по киновіи исходили отъ имени «Даниила и Андрея». Изъ исторіи Выговской пустыни видно далье, что ему принадлежалъ общій, главный надзоръ надъ всѣмъ, даже и надъ начальствующими, преимущественно за чиннымъ стояніемъ въ «церкви». Но собственно весь дѣйствительный трудъ управленія обителію лежалъ на Андрее; онъ былъ не только «учителемъ древняго благочестія и проповѣдникомъ», но «судьею и правителемъ общежителства». И мы можемъ сказать, что вся заслуга въ устроеніи и исторіи Выговской пустыни принадлежитъ Андрею. Даниилъ, мужъ почтенный и авторитетный, не даромъ *мольбами и принужденіями* призывалъ къ себѣ въ сожитіе молодого человѣка: онъ видѣлъ его даровитость и умственное превосходство и заставлялъ трудиться Андрея, самъ наслаждаясь только покоемъ и нечетомъ. Съ первой же поры по вступленіи Андрея въ общину, его принудили «не житія точію, но и повечерія и тяготы его вкусити».

Но какъ широка была дѣйствительная власть Андрея? Когда Выгорѣцкая община размножилась до того, что трудъ одного человѣка недостаточно было для того, чтобы заведывать всѣмъ ходомъ дѣлъ непосредственно, около Андрея группируется известное число лицъ, составляющихъ монастырскую аристократію: «Аще кіи отъ жесточайшихъ безстудіишъ противляхуся настоящимъ, — настоящимъ ивѣяху съ собою честный соборъ добродѣтельныхъ мужей, ивѣяху власть строити житіе свое по преданіямъ отеческимъ, ивѣяху вси едину ревность жити по правиломъ Василія Великаго. Аще кто за прегрѣшеніе свое наказанію подлежае, толикому собору единъ не можаше противитися и баше наказуемъ подобающимъ наказаніемъ и злыя своя воли исполнати не можаше, повеже не ивѣяше заступника, и единъ, или два, или тріе безчиннии многинъ благочиннымъ не можаху противостояти...» Этотъ «совѣтъ» помогалъ Андрею и въ то же время нѣкоторымъ образомъ ограничивалъ его: съ нимъ

Андрей считалъ нужнымъ совѣщаться во всѣхъ трудныхъ недоумѣнныхъ случаяхъ; но обыкновенно Андрей всегда съумѣетъ склонить этихъ совѣтниковъ своихъ къ своему мнѣнію и потомъ ихъ рѣшеніями оправдываетъ свои приговоры. Иванъ Филипповъ подробно перечисляетъ ихъ: это были все лица наиболѣе знаменитые въ общежителствѣ, болѣею частію первые насельники пустыни и собесѣдники Игнатія Досіея, Корнилія, какъ напримѣръ Исакій Евсѣимовъ, сродникъ Данилы, пришедшій въ пустыню вмѣстѣ съ Данилой, замѣчательный дѣвственникъ, которому поэтому поручено было управленіе женскимъ Лексинскимъ монастыремъ, Захарій Стефановъ, извѣстный уже намъ первопоселенецъ Выга, строитель первоначальныхъ зданій обители, Леонтій Ѳеодосѣевъ, поповъ сынъ, *свѣдущъ писанія*, какъ показывалъ о немъ на допросѣ Круглый, — Трифонъ Петровъ, извѣстный начетчикъ, помогавшій Андрею въ составленіи «Поморскихъ отвѣтовъ»;—на половину ихъ были «монахи», пришедшіе изъ дальнихъ странъ и пользовавшіеся почетомъ или ради древняго постриженія въ извѣстныхъ монастыряхъ, или ради какихъ либо особенныхъ заслугъ, — каковъ былъ, напримѣръ, Прокопій Нижегородскій. Всѣ эти лица, по видимому, благоговѣли предъ мудростію Андрея; которые были не такъ стары, учились у него грамматическому и риторскому разуму, усвоили его духъ и послѣ его смерти достойно продолжали его дѣло. Андрей обыкновенно умѣлъ устроить дѣло такъ, что повидимому предоставлялъ много простору ихъ дѣятельности, но тѣмъ не менѣе они являлись безсознательно почти всегда исполнителями его желаній. У настоятелей съ избраннымъ совѣтомъ для своихъ отношеній къ рядовой братіи монастыря былъ свой, неизвѣстный толпѣ, кодексъ правилъ, своя *disciplina arcaica*; они имѣли понятія о вещахъ иногда вовсе не тѣ, какія высказывали.

Отношенія Андрея и этого совѣта избранныхъ къ рядовой братіи, равно какъ Андрея и совѣта избранныхъ другъ къ другу весьма ясно характеризуются въ слѣдующемъ разсказѣ

автора сочиненіи «О тайнѣ брака». «Бывшу ми лѣта 1728 въ поворскихъ странахъ по разнымъ церковнымъ дѣламъ на соборъ ко отцемъ 24 вопроса записати,—я, блаженной памяти отцу Андрею подахъ съ прошеньемъ, да благословить соборнымъ судомъ на оныя рѣшеніе подати. Тогда онъ повелъ отъ соборнаго сужденія брату своему Симеону отвѣтствовать на кійждо вопросъ, а въ нужнѣйшихъ самъ отвѣтствовалъ». Вопросы касались предметовъ, на которые еще доселѣ не было установлено опредѣленныхъ взглядовъ. Отвѣты Андрея поэтому уклончивы и двусмысленны. Иванъ Алексѣевъ его спрашивалъ: если кто крещенъ попомъ, нѣвѣющимъ крещеніе старое, а посвященіе новое, нужно ли такого перекрещивать? «Андрей самъ рече, яко у насъ яложено у всѣхъ такихъ отнюдь не повторять крещеніе. Аще ли кто дерзнетъ повторять ихъ крещеніе, буди на немъ судъ Божій (Андрей пользуется правомъ изречь своего рода анафемъ)». На вопросъ о полахъ, новое и крещеніе, и постриженіе именуемыхъ, — ежели они кого крестятъ, — «отвѣтствова тако, что я одинъ сей судъ не могу на второ-крещеніе подати, но какъ общій разумный судъ изволить». А когда дошла очередь до вопроса о бракѣ, Андрей далъ отвѣтъ, достойный Пинейи, до того двусмысленный, что самъ собесѣдникъ рѣшительно не понималъ и пускается въ толкованія и соображенія по поводу его словъ о новыхъ бракахъ: «кои по познаніи тако сопрягошася, како съ ними поступати? рече: таковыхъ у насъ на низу обще подъ цѣломудренное житѣ въ соединеніе братства церковнаго принятъ положено». Авторъ не находитъ въ этихъ словахъ того, чтобы «отецъ» предписывалъ въ видѣ закона — мужу, живя въ одномъ домѣ съ женою, соблюдать цѣломудріе, жить какъ братъ съ сестрой. Андрей, по его вѣнью, былъ слишкомъ разуменъ и свѣдущъ въ канонахъ церковныхъ и въ исторіи, чтобы допустить такую вопіющую несообразность. Впервыхъ, это прямо противорѣчило бы 30-му правилу шестаго Вселенскаго собора, а вторыхъ, Андрей не могъ не знать того, что Григорій папа, вѣлѣвши

іерейнъ развестись съ женами и наблюдать цѣломудренное житіе, позволилъ имъ однакожъ жить вмѣстѣ съ женами: и вотъ ему, «сія заповѣдь такую бѣду принесетъ, яко предъ очима его 6000 главъ младенческихъ рыболовныя сѣти извлекли изъ моря во объявленіе тайныхъ дѣлъ оныхъ іереевъ». Если же Андрей и сказалъ эти слова, то не какъ общій законъ, а какъ исключеніе, «явственно есть, яко немощи ради развращеннаго народа тако вѣтшаѣ присуждати, по свойству же самой вещи не тако. Но сіе нѣсть дивно: понеже и Моусей иногда снисходя къ жестокииъ іудеямъ повелѣ дати книги распустныя, обаче Христось сказа сіе незаконно быти, но по жестокосердію іудейскому. Леонтіѣ Фодостячъ, отъ боку Андрея Денисовича сущій, когда его въ Малороссіи уставщикъ Яковъ Семеновъ о братѣ своемъ Петрѣ, да благоволятъ во исполненіе церковное въ новомъ бракѣ пріяти, нимало вопреки глагола, но повелѣ его пріяти просто съ женою. Здѣ разумѣти потребно внутреннее склоненіе о новыхъ бракахъ отецъ; еже тамо Андрей за грубіянство народное присуди по немощи: то Леонтіѣ явственно крѣмое показанъ... Затѣмъ Иванъ Алексѣевъ продолжаетъ, обращаясь къ своимъ противникамъ бракоборцамъ: вы отецъ нашихъ не были въ секретныхъ о томъ судахъ, и вамъ церковныхъ дѣлъ правленіе не баше предано, убо и вѣдать вамъ подлиннаго намѣренія отецъ не можно. Вѣдаемъ же мы извѣстно въ самомъ секретѣ, вотъ что: отецъ Нифонтъ, принявшій постриженіе въ Соловецкомъ монастырѣ, жившій потомъ въ Выгорѣцѣи и наконецъ присланный, въ качествѣ духовника, въ ту общину, къ которой принадлежалъ авторъ, бесѣдовалъ съ нимъ на счетъ вышеупомянутыхъ 24 вопросовъ. Услышавъ, какіе отвѣты давалъ Андрей на эти вопросы, Нифонтъ замѣтилъ: «а нѣ-де о томъ иначе приказъ былъ отъ отецъ. О чемъ я его больше не спросилъ, вѣдая, яко ко мнѣ отцы *рекоша сіе*, чтобы обществу было не подѣ раздоръ, Нифонту же, яко духовнику, *рекли другое*, какъ и въ Вѣтхонъ Завѣтѣ одно было отъ Бога сказано Моусею, а другое старцамъ; и

къ апостолашъ Христось сказалъ: вамъ дано есть вѣдати тайна царствія, оныи же не дано».

Еще опредѣлешите и интереснѣе характеризуетъ отношенія Андрея къ выговской аристократіи и къ рядовой братіи— биографъ его. Андрей «весьма быше кротокъ и благопокоренъ ко всѣмъ; аще же време не зовущу, то острѣ гнѣвливъ и страшень показавашеса, и во всеиъ тако учительски поступаше, какъ быти настоящему учителю. Онъ заботился о томъ, чтобы въ мирномъ и полезномъ съ прочими совѣтѣ пребывати, покаяряся писанію, глаголющу: «во мнозѣ совѣтѣ спасеніе бываеетъ», не имѣя отнюдь о себѣ вышешрнаго мнѣнія, аще и весьма бысть премудръ, но всегда мнѣнія своя въ общебратскихъ дѣлахъ прочиимъ предъавляше. Аще же когда бываше въ соборномъ разсужденіи дѣло, то толико во ономъ истину изобрѣташе, и при томъ и братію требованьемъ отъ всѣхъ совѣта всемирно утѣшаше, яко и до самыхъ послѣднихъ и подлыхъ вопрошеніями дождаше и отъ нихъ разсужденія воспринимати не стыдѣшеса, помни слова Даваскина (?), «что учителемъ не найдется, то ученикомъ открыся», и слѣдуя прииѣру Моисея, который какъ ни былъ премудръ, а не устыдился принять и исполнить совѣтъ своеготестя «непросвѣщеннаго варвара»—въ чинорасположеніи Израильскихъ людей... Всѣхъ совѣты воспринимше и изъ нихъ истину взявши и оную благоразсужденіемъ украсивши, предложи обществу и сіе, яко оная истина, за благое ли ния въ дѣлѣ почитатися будетъ... Тогда вси согласно ему изрицаху: тако да будетъ, якоже изволялъ еси разсудити... И того ради при его началопастырствѣ отъ сего во общиимъ дѣлахъ у всѣхъ согласіе и любовь быше».

Въ дѣлахъ, касавшихся соблюденія дисциплины монастырской, Андрей обнаруживалъ не менѣе терпимости и снисхожденія, какъ и въ вопросахъ догматическихъ: «милостивъ бѣ до кающихся и велиимъ разсудителемъ». Въ каталогѣ «Любопытнаго» исчисляется цѣлый рядъ сочиненій Андрея, имѣющихъ нарочитою цѣлю монастырское благоустройство общи-

ны: объ образѣ моленія по Давидовымъ псалмамъ въ небытіи церковнаго чина и пр. (*). Мы не имѣемъ подъ руками этихъ сочиненій и можемъ судить о дальнѣйшихъ подробностяхъ этого устройства по фактамъ, рассказаннымъ въ исторіи Выговской пустыни. Вотъ къ чему обязывали Андрей и Данило желавшихъ поступить въ число членовъ ихъ общины: 1) древле-церковное благочестіе хранить, крестное знаменіе на лицахъ истово творити двѣма персты, поклоны добръ полагати, службу церковную по вся дни исправляти, данные посты сохранять; 2) чины монастырскіе, данные на письмѣ, хранить со всякимъ опасеніемъ, всякую нужду пустынную терпѣти и труды, трапезное благочиніе добръ имѣти; во время обѣдовъ и ужиновъ жертвенники читати, а братіямъ въ молчаніи сидѣть и внимать читаемому, особьяденія отнюдь не имѣть, а имѣть все общее, по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ книги читати братіи, послѣ заутрени и уденья, часа по полтора; правило, данное отъ отецъ духовныхъ исполняти и о своемъ спасеніи всячески тщатися; 3) младшимъ къ большимъ имѣти покореніе и послушаніе, къ старостамъ покореніе безъ всякаго прекословія и роптанія, безъ благословенія старость ничего не дѣлати и никуда не шататися, между собою миръ и любовь имѣти братскую, всѣмъ другъ друга къ полезному понуждати и другъ съ другомъ вражды и ссоры не имѣти никогда же, — а когда у кого съ кѣмъ случится, миромъ и прощеніемъ скоро разрушати. 4) Женщинамъ и мужчинамъ не сходиться другъ съ другомъ нигдѣ и никогда, кромѣ опредѣленныхъ на то случаевъ, — чтобы по вечерни между молодыми людьми сходовъ и говоровъ и бесѣдъ не было и въ другіе предѣлы не указнымъ никому не дерзати ходити подъ великимъ запрещеніемъ. Единственное исключеніе изъ этого правила было сдѣлано въ пользу самихъ настоятелей съ нѣкоторыми старѣйшими, которые имѣли право ходити къ друго-предѣльнымъ, т. е. на

(*) См. Катал. Любоп. №№ 19, 20, 22, 24, 40, 45.

Лексу, во всякое время по ихъ настоятельному усмотрѣнію. Біографъ замѣчаетъ даже, что Андрей «любляше» Лексинской монастырь предпочтительно предъ Выгорьцкиимъ—«ово за безмолвіе», которое онъ тутъ находилъ и которое такъ необходимо ему было для ученыхъ занятій,—«ово же за попеченіе о немъ, — и часто тамо пребываше, тамо и отвѣты писаше противъ Неофита».

За исполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ должны были «надеватривати крѣпко» избранные настоятелями старосты, — не хранящихъ сіе вышеписанное наказовати по правиламъ и по *даннымъ имъ писемамъ*, кто чего достоинъ, — оныхъ поклован на трапезѣ, а оныхъ отъ трапезъ отлученіемъ. Покоряющихся и прощающихся прощати съ милосердіемъ, а противящихся и не покоряющихся и *тѣлеснымъ наказаніемъ наказовати*, или въ монастырь къ наказанію отсылати и никому не попускати въ томъ своемъ непокорствѣ пребывати. Въ монастырѣхъ обоихъ всѣмъ соборнымъ, келаремъ, казначеемъ, городничимъ и надсмотрщикамъ и сторожамъ всѣмъ крѣпко данныя имъ службы отправляти, чтобы все было по *чину монастырскому непремьимо всегда.* Таковы были правила для монастырей. Эти же правила были обязательны и для скитовъ, — хотя они, вообще говоря, находились въ меньшей зависимости отъ «настоятелей.» Начало «особо скитскому монастырю» положилъ старецъ Сергій, пришедшій въ пустыню еще прежде Андрея: въ то время, какъ Андрей съ Данилой полагали начало монастырю, этотъ Сергій устроилъ своего рода конкуренцію Андрею: «многіе изъ приходившихъ въ пустыню со старцемъ Сергіемъ совокупишася.» Корнилій, почему-то благоволившій больше къ Андрею, не смотря на то, что Сергій оказалъ ему весьма много услугъ, «возбраняше Сергію братство собирать, не точію не благословляше, но и запрещаше зѣло:» вновь приходившимъ онъ совѣтовалъ или присоединяться къ Андрею, или же вселиться, гдѣ кто изволяше по ихъ желанію и прошенію,» только не у Сергія. Но Сергій не слушался: съ нимъ жилъ нѣ-

кто Діонисій, иже грамотѣ знаяше и весь чинъ церковный вѣдаше (самъ Сергій не знаяше грамотѣ, точію иужъ великаго и жестокаго житія баше);—благодаря ученой репутаціи этого Діонисія, Сергію удалось собрать въ свой скитъ до 70 человекъ, — «которыхъ Сергій правяше по волѣ своей.» Подобнымъ образомъ основалось еще нѣсколько скитовъ (*), бывшихъ сначала вполне независимыми отъ монастыря. Вышній видъ ихъ былъ тотъ же, какой имѣлъ и монастырь до отдѣленія женщинъ на Лексу: то-есть, нѣсколько зданій съ особою часовнею окружены были «стѣною,» — женщины жили на одной половинѣ, мужчины на другой: «старецъ съ сыновьями живяше въ своей келіи, а жена его бывшая съ дочерью въ своей.» Большею частію у нихъ не доставало своихъ учителей, свѣдущихъ писанія: пока живъ былъ Корнилій, они обращались за духовными поученіями къ нему. Но Корнилій умеръ и они должны были «прибѣгать къ выгорѣцкому общежителству, къ вышеписаннымъ отцемъ и отъ нихъ уже наслаждаться книжнаго поученія и утвердятся.» По мѣрѣ того, какъ росла репутація Андрея—и власть его надъ скитами росла все больше и больше. Но всегда оставалось въ скитахъ неприкосновеннымъ одно право—не раздѣляться съ женщинами, прежними своими женами, а теперь сестрами. Мы видѣли, что когда Андрей пришелъ въ пустыню, здѣсь было два рода людей: одни пришли по мнимоу влеченію къ иноческой жизни и приняли постриженіе, — другіе же бѣжали сюда съ единственною цѣлюю укрыться отъ преслѣдованій. Эти послѣдніе жили зѣло нужнымъ житіемъ, но жили цѣлыми семействами,— и если повидимому отказывались отъ супружескаго сожитія, то единственно въ томъ убѣжденіи, что теперь, когда воцарился антихристъ, когда съ часу на часъ нужно ждать кончины міра и страшнаго суда,—не до того, чтобы думать объ удовольствіяхъ супру-

(*) Болѣе обстоятельное описаніе скитовъ см. въ расколн. дѣлахъ XVIII ст. по описанію Самарина, 533—553; также исторію Выговской пустыни, стр. 122—124.

жескаго сожитія. Но не считая себя монахами, они не считали себя обязанными разставаться съ близкими сердцу родными; предаваясь главнымъ образомъ благочестивымъ упражненіямъ, они заводили вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенное хозяйство, въ которомъ женщины, по характеру русскаго народнаго быта, такъ много значатъ. Когда гоненія утихли, истиническая экзальтація ослабѣла, — догматъ о наступленіи царства антихристова и объ обязательности безбрачія хотя и остался, но — только въ теоріи. Потребность семейной жизни въ этихъ простыхъ людяхъ стала сказываться съ общиною силой. Но то, что прежде для нихъ было законнымъ, теперь стало грѣхомъ, который нужно было очищать знаніемъ, поклонами, — которые «особоскитскіе обитатели» должны были «нести точно также, какъ и монахи,» принявшіе постриженіе и жившіе съ Андреемъ. Здѣсь точка соприкосновенія ихъ съ Андреемъ и поводъ для его вмѣшательства въ ихъ внутреннюю жизнь. Будучи законодателемъ, установителемъ догматовъ для всѣхъ поморскихъ раскольниковъ, случайное безбрачіе первыхъ насельниковъ Выговской пустыни возведши въ теорію, въ общеобязательную доктрину для всѣхъ членовъ своей общины, Андрей считалъ себя обязаннымъ наблюдать за выполненіемъ этого ученія и въ скитахъ, — тѣмъ болѣе, что скитники жили не отдѣльно отъ женщинъ, какъ «монастырскіе,» а потому въ распутствѣ превосходили послѣднихъ. Андрей «вздыше по скитамъ и по часовнямъ, праздноваше и торжествоваше праздники добръ и учаше съ моленіемъ всѣхъ скитскихъ жителей добродѣтельному житію, чины и уставы соборно имъ уставляя; въ мирѣ и любви уча пребывать, нежсобныя вражды мирошъ разрушая, зазорное житіе отсѣкая, съ зазорными лицами жити возбраняя, выборныхъ духовныхъ надсмотрниковъ поставляя съ письменнымъ укрѣпленіемъ, чтобы въ одножитныхъ келіяхъ не жити и на пашнѣхъ собственные станы имѣти. и пр. Этихъ надсмотрникамъ также какъ и монастырскимъ позволено было подвергать виновныхъ даже тѣлесному наказанію.

Преднаписавши изложенныя выше правила для своей паствы, имѣлъ ли Андрей на столько силы и власти надъ своей общиной, чтобы заставить строго и точно выполнять ихъ? И хотѣлъ ли даже Андрей, имѣлъ ли серьезную заботу о томъ, чтобы они были соблюдены? Выговская община составила изъ людей, свободно сошедшихся, которые потому также свободно могли, въ случаѣ недовольства, оставить ее; и хотя подобные случаи были весьма рѣдки, тѣмъ не менѣе Андрей, не имѣя надъ своей общиной никакой положительной, твердой власти, по необходимости долженъ былъ иногда казаться «отцемъ милосерднѣйшимъ». Но собственно говоря, заботиться слишкомъ много объ исполненіи изданныхъ имъ правилъ, Андрей не имѣлъ большой нужды. Ригоризмъ былъ не въ его характерѣ; человекъ, который сознавалъ за собою кой-какія слабости (*), не могъ быть слишкомъ строгъ и къ другимъ. Сообразно съ тѣми цѣлями, какія онъ предположилъ себѣ относительно раскола вообще и своей общины въ частности, Андрей заботился преимущественно о томъ, чтобы соблюдена была внѣшняя благовидность въ монастырѣ,—чтобы монастырь не потерялъ ав-

(*) Выше мы имѣли случай замѣтить, что отдѣляя женщинъ въ особый монастырь на Лексѣ, настоятели оставили за собою право посѣщать этотъ монастырь, когда имъ заблагоразсудится. Андрей имѣлъ въ немъ особыя кельи и часто удалялся туда, «чтобы отдыхать отъ настоятельскихъ трудовъ и заниматься ученостью». Изъ разсказовъ біографа Андрея видно, что монастырскіе братія подозрительно смотрѣли на это пребываніе настоятеля среди женщинъ, а нѣкоторые «продерзостливые» открыто упрекали Андрея «въ зазорномъ житіи». *Григорій Яковлевъ* (1748) жившій долго въ монастырѣ Андрея, а потомъ обратившійся въ православіе, въ одномъ изъ своихъ сочиненій разсказываетъ, что Андрей, проповѣдуя общежитіе, собиралъ однакожъ для себя деньги, серебро, подъ именемъ келейныхъ, «жилъ довольно весело». Одна изъ трехъ сожительницъ его выпроводила его на тотъ свѣтъ изъ ревности, давъ ему выпрошенное у колдуна снадобье. (Обзоръ Р. Дух. Д—ры пр. Филарета, кн. 2, стр. 34). Смерть Андрея, какъ она описана въ исторіи Выговской пустыни, была, дѣйствительно, скоропостижная; симптомы его болѣзни дѣйствительно заставляютъ подозрѣвать, что онъ былъ отравленъ.

горитета въ раскольничьемъ мірѣ и вытекающихъ отсюда матеріальныхъ выгодъ, чтобы оглаской какихъ-либо беззаконныхъ дѣлъ не навлечь на обитель преслѣдованій со стороны закона и нивоніанскихъ властей, которыя если и оставляли ее въ покоѣ, благодаря трудамъ Андрея, то единственно въ томъ убѣжденіи, что выговскіе отшельники уединились въ пустыню единственно ради безпрепятственнаго содержанія древняго благочестія,—а все прочее обстоитъ тамъ какъ нельзя лучше. Итакъ Андрей вообще снисходилъ къ немощамъ своей паствы, «яко отецъ милосерднѣйшій,» какъ выражается И. Филипповъ,—хотя повидимому далеко былъ отъ того, чтобы открыто потакать разврату, провозглашать принципы въ родѣ тѣхъ, какіе высказывалъ позже Ковылинъ, говоря, что «позволяется утолять похоть,—тайно содѣянное, тайнѣ и судится.» Онъ умѣлъ вовремя показаться отцемъ милосерднѣйшимъ и вовремя погорячиться, — быть «такъ жестокимъ, яко и гнѣватися и отъ церкви отлучати....»

Чтобы сильнѣе побудить пустынножителей къ исполненію введенной имъ дисциплины, Андрей пускалъ въ ходъ, или по крайней мѣрѣ не препятствовалъ распространяться разными легендамъ въ смыслѣ этихъ правилъ,—такихъ легендъ довольно много можно найти въ исторіи Выговской пустыни и въ «житіи Андрея;» эти легенды довольно хорошо знакомятъ насъ съ дальнѣйшими, болѣе частными чертами внутренняго быта и «благочестныхъ обычаевъ» выговцевъ. Вотъ что, наприимѣръ, рассказываетъ намъ И. Филипповъ: «нѣкій человекъ бысть нѣкое время внѣ ума и въ этомъ состояніи витѣлъ бесѣду съ бѣсами. «Егда сей калугеръ, говорили ему бѣсы объ одномъ старцѣ — Павлѣ Торопскомъ, жилъ одинъ на островѣ, толико бѣ золь до насъ, яко николиже не токмо въ келію, но ниже на островъ могохомъ пріити... Егда же привезе и посестрію свою (т. е. бывшую жену) и дѣтей, то посестрія зѣло люта бѣше до насъ, — но дѣти ихъ, понеже млади бяху, безстрашни живяху и бѣ житіе ихъ угодно намъ: старецъ наказоваше все творити съ благословеніемъ

и съ молитвою, двери и окна съ молитвою затворяти, — они же просто дѣлаху.... Человѣкъ той, егда уцѣломудрися, сказа сѣя оному Павлу: Павелъ же нача дѣтей своихъ жестоко учити и наказовати, и научи ихъ грамотѣ и постриже во иноческѣй образъ.... Дщери Павла спрашивали бѣсовъ: ходите ли въ пустынь сей ко инымъ въ келіи? Они отвѣчали: «мало есть келій, въ кїи намъ входу нѣтъ.... въ тѣхъ келіяхъ, еже хощемъ, то и творимъ: поучаемъ всѣхъ злое творити, въ лѣности жити и другъ другу въ непокореніи; аще гдѣ безъ молитвы пищу полагають, или втай, то мы взимаемъ. И того ради не могутъ ничимъ наполнить недостатковъ своихъ.... Аще сосудъ обращемъ съ пищею непокровенъ, или безъ благословенія поставленъ, а взяти изъ него не можемъ, то издавеча наплюемъ, и кто ту пищу снѣсть или безъ благословенія тайно ястъ, то ему изъ нея раждаются скорби и болѣзни, лѣность и непокореніе къ большимъ и начнутъ своевольная безъ благословенія творити и бывають человекцы непослушны и непокорны, тайно ясти и вражды между собою клеветы начнутъ творити и на общія трапезы не стануть ходити и не молитися, и на дѣло немощни бывають, сластолюбцы и тайноядцы и похотолубцы, къ посту невоздержни, и ненавистницы другъ къ другу, и крадливїи и своевольницы и всякаго злаго творители, и о спасенїи душъ своихъ не пекущеса, и отцемъ духовнымъ истинно не каются, и умножится въ нихъ беззаконіе и своеволие и безчиніе. Сїя старецъ слышахъ, азъ же грѣшный слышахъ отъ него и написахъ сїя на пользу читающимъ», заключаетъ авторъ. Нѣтъ сомнѣнїя, что въ этомъ разсказѣ И. Филипповъ безсознательно или съ умысломъ рисуеъ картину нравовъ своей общины «на пользу читающимъ.» Въ этомъ разсказѣ больше всего говорится о непослушанїи и самовольствѣ, потомъ объ особьяденїи и наконецъ о нечистотѣ тѣлесной. Что касается до своевольства, то отъ него много приходилось терпѣть настоятелямъ. Андрей въ надгробномъ словѣ П. Прокопьеву жестоко жалуется на это. «О, колики и каковы про-

твности и злодихательными рати на братство сіе быша и суть, говоритъ онъ, — отъ діавольскаго злорыканія, отъ бѣсовскія зависти, отъ гонителей, отъ раздорниковъ лукавствія, отъ іудоподражательныхъ злодихательствъ, отъ безчинныхъ свирѣпства, отъ своевольныхъ шатанія, отъ злообычныхъ роптанія, отъ внѣ и отъ внутрь, отъ невѣжества и отъ предпріятія... «Черезъ своевольства и ропоты діаволь тщится вся поколебати и весь чинъ святыхъ разрушити.» Особьяденіе также, неизвѣстно почему, подвергалось особенному преслѣдованію со стороны настоятелей. Для того, чтобы лучше искоренить его, распространена была легенда о томъ, что бѣсы пріобрѣтають особенную власть надъ тайноядущими. Изъ-за него на первыхъ порахъ происходили серьезныя ссоры между настоятелями и братіей. «Въ обители насталь голодъ. Матери, якоже есть естественно чадолюбивія, начаша дѣтей своихъ кормити тайно, яко немощнѣйшая нѣкая часть, малодушіемъ прабабы Евы поболѣвше приносима ямъ отъ сродникъ аще и малая и убогая пирогищи, обаче чрезъ отеческое завѣщаніе не дающе на братскую трапезу. Діаволь же, принимая видъ сродниковъ, сталъ являться къ женшиванъ и прельщать ихъ — вкушать приносимую имъ пищу, при чемъ запрещалъ говорить объ этомъ кому-либо: если скажете, то отнимуть на общую трапезу, тогда ни вамъ будетъ, ни имъ, — а намъ нельзя всю киновію накормить такия лакомствами.» Оказалось, что бѣсы приносили имъ падаль — «всѣхъ пропащихъ телятъ съ волостей собрали.» Навѣвшись такого лакомства, постницы не интересовались общею трапезой. Когда ихъ спросили настоятели, почему они не ѣдятъ за общебратскимъ столомъ, тѣ отвѣчали, что хотъ и умереть, «а не стануть ѣсть скоту данныя травы»: между прочимъ проговорились, что имъ «приносятъ сердоболы обычную пищу. Тогда уразумѣли настоятели діаволу прелесть, — не выдаху бо никого же къ нимъ входяща и исходяща и начаша ихъ съ прещеніемъ вопрошати; ти же, духомъ прелести укрѣпляемии, не глаголаху имъ ничто же, принуждени

убо бывше, связаннїи союзомъ любви отцы и братїя связаша ихъ узами желѣзными, яко да не могутъ приносимаго брашна тайно ясти... Связаннымъ же бывшимъ имъ, диаволь чрезъ оное наипаче возъмѣ силу, еже и мучити ихъ, яко и пѣнаиъ изъ устъ тещи... при чемъ они вельпными гласы вопїяху: о. люте намъ, яко лестїю насъ сїи прелестницы (варицающе оо. Даниїла и Андрея) созвавше убити насъ... лучше бы намъ не родитися... дадите намъ ножъ, да себѣ заколемъ... да тако угонземъ сихъ лютыхъ прелгатаевъ... Сїиъ убо бѣднымъ тако мучимымъ, — что не хотяше творити прекроткая и чадолюбивая утроба, Даниїль нача совершати мольбствїа, приводяще страждущихъ ко св. Евангелїю, аще и не хотящихъ; обаче за преступленїе положенныя отеческія заповѣди попустися имъ тако страдати долгое время... Когда происходило это возмутительное насилїе, тщетно прикрываемое не менѣе возмутительнымъ кощунствомъ, Андрея не было дома, — онъ отѣзжалъ на Москву за подаванїями. Сдѣлавши свое дѣло, онъ «духомъ святымъ подвизаемъ» вознамѣрился возвратиться въ киновію. Сїе почувавъ лукавіи дуси, сущїа въ страждущихъ дѣвахъ, вопїяху: «о люте намъ! злодѣйственный бо нашъ врагъ Андрей съ Москвы домой поѣха, и аще постигнетъ насъ здѣ, то вельми насъ мучити пмать. И тако спѣшно другъ друга отъ страждущихъ зовуще; день отъ дне исчезаху, дондеже всѣ безъ вѣсти быша...» По разсказу И. Филипова исцѣленїе это произошло нѣсколько иначе: это было въ день Пасхи: нѣкая жена, въ болѣзни сущи, не пошла въ часовню, а смотрѣла на нее, вышедши на переходъ, и увидѣла такое чудо: безчисленное множество всякихъ бѣсовъ силилось проникнуть въ часовню чрезъ окна, чрезъ дверь... Много разъ повторяли они свое покушенїе, но каждый разъ возвращались со стыдомъ назадъ, потому что на встрѣчу имъ изъ дверей показывался пламень попалающїй. Видѣніе свое богобоязливая жена разсказала настоятелямъ: тѣ отслужили благодарственный мольбень, при чемъ одинъ изъ нихъ, Андрей, «отъ образа Бо-

зій Матери слыша гласъ: нынѣ услыша Господь молитвы ваша... И отъ того часа вси ѡбснующіи ся ясцѣлѣша.»

Изъ этого разсказа видно, какими способами старался дѣйствовать на свою паству Андрей. Онъ поддерживаеъ въ ней суевѣріе, старается шорочить ее вымышленными чудесами. Побужденія для такого образа дѣйствій не трудно повѣсть: съ одной стороны онъ хотѣлъ поселить въ ней отрадную для нея увѣренность, что надъ нею видимо почиваетъ милость Божія, являющаяся въ этихъ чудесахъ; затѣмъ чрезъ это увеличивался личный авторитетъ Андрея, такъ какъ ниниыя чудеса большею частію соединены были съ его личностію и проявлялись въ успѣхѣ его предпріятій: такимъ образомъ, чѣмъ суевѣрнѣе была его паства, тѣмъ удобнѣе онъ могъ на нее дѣйствовать. Другимъ средствомъ дѣйствованія на паству было проповѣдничество. «Тако сладостно бѣ ученіе его, яко вси послушающіи внимаху прилежно... Ини же всакъ уиъ жестокий, всякую нечувотвенную и каменную душу къ Богу возводя... воспоминаше въ нравоченіяхъ своихъ вся страсти челоѡвѣческія и учае, како подобаетъ праздновати и каковыи быти христіанами, яко не именешъ именовати ся точію достоятъ, но и житіемъ украшати ся добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалитися, покаяніемъ же себе очищати, блуда бѣгати, сквернъ плотскихъ удалитися,— и тако ученіемъ своимъ всѣхъ слушающихъ въ плачь приводя и во умиленіе влагая на покаяніе согрѣшающіа понуждая». И дѣйствительно, нужно оказать, что тѣ изъ проповѣдей Андрея, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ увѣщанія и обличенія — лучшія изъ всѣхъ его проповѣдей;— онѣ отличаются болѣе старательною отдѣлкою, въ нихъ меньше риторики и по мѣстамъ слышится какъ будто сердечная искренность, задушевность. Въ нихъ онъ опять возстаеъ больше всего противъ непослушанія и своевольства, а затѣмъ противъ «нечистоты тѣлесной». Но уже изъ отзыва Ивана Фидяинова (*) видно, что въ большей части случаевъ

(*) См. у Есипова т. I, 300.

дѣло ограничивалось тѣмъ, что слушатели дивились краснорѣчію оратора, занимались его внѣшними пріемами, его искусствомъ, услаждались мыслию, что имѣютъ у себя тако-го премудраго оратора, изъ устъ котораго льются «злато-струйныя словеса, хитрориторски преизобильно украшен-ныя». Вымышленныя чудеса и проповѣдничество были такъ сказать нравственными способами дѣйствованія Андрея на Выговскихъ пустынножителей. Къ его сожалѣнію, это были, кажется единственныя средства, какими онъ могъ пользо-ваться. До какой степени Андрей владѣлъ искусствомъ дѣй-ствовать на паству убѣжденіемъ, показываетъ слѣдующій рассказъ біографа. *Одинъ отъ братіи, диволомъ поущаешъ, раскрамолися съ прочимъ братомъ и приндоша на судъ къ Андрею. Онъ же разсуди праведно и онаго яростнаго осуди быти виновнымъ. Тойже не точію не устыдѣся суда того, но и на праведнаго судію острояростныя и зѣло досадительныя нача словеса испущати, толико неприличныя настоятельству его, что приближенные отали просить Андрея: благослови отче намъ его, яко весьма безчиннаго, безчинно вытолкати. Онъ же кротко имъ воспрети. Крамольный же не престаяше, во нашего отца безчестяше; толико учинися печально про-чимъ братіямъ, яко уже и сами съ яростію начаша благо-словенія у отца просити, еже бы его съ достойнымъ нака-заніемъ вонъ изринуты. Терпѣливѣйшій же отецъ устремителнѣ съ яростію къ нимъ возглагола: аще вамъ его же-лается изринуты вонъ, то прежде мене изрините... И тогда умолкоша... Егда же острожелчный хулитель, довольно осра-мотивши Андрея, восхотѣ абіе разлучитися, то Андрей, яко сущій философъ, философски въ великодушномъ терпѣніи философственну душу показа: и нача толь прехитро вну-треннюю его ярость своими словами укрощати, яко вскорѣ сей въ зѣло кроткаго агнца претворися. Егда же узрѣ его во смиреніи суща, другимъ образомъ нѣкако премудро нача его въ раскаяніе оной злобы приводити; и елико сей ушля-шеся, толико онъ словесно и съ яростію наказовати того*

видяшеся и тако его хитро, жестоко изостренными словесы бить, яко онъ и со слезами приношаше прощение и часто падале къ ногамъ его. Отецъ же яко болѣе яришеся и его въ безстудии и продерзости къ настоятелямъ укоряше. Келейные стали ходатайствовать за виновнаго. Но отецъ не умягчашеся, при ономъ и сихъ ходатаевъ нача хитроскоробратными порицати и предѣловъ мостояства и мужества незнающими... И всѣхъ своевольниками называше, и сими глаголи всѣхъ приведе въ плачь и отъ всѣхъ силъ своихъ прощатися... Тогда запретивъ, дабы паки не разгнорилъ себе непотребными словесы (т. е. чтобы не говорилъ ничего дурнаго про Андрея) и отпустилъ съ миромъ. Потомъ къ братиіи сказалъ рѣчь. «Зѣло потребно, бр., блюстися яростнаго и самонѣйнаго бѣса, дабы насъ онъ не обладалъ продерзостію, самонѣніемъ и непослушаніемъ, ибо отъ высокоумія рождается сіе, еже помышляти и творити свое, а не повелѣнное, яко же и вы учинили есте. Егда азъ смирахся, тогда вы напустились, яришеся на озлобляющаго мя; егда же азъ яростію праведною возъярихся нань, зря прещеніе его, вы напротивъ мене поступисте».

НИКОЛАЙ БАРСОВЪ.

(Продолженіе будетъ).